

Судьбы заложница

Вновь, спустя без малого три десятилетия, на сцене театра "Эстония" (ныне - Национальной оперы "Эстония") - балет Родиона Щедрина "Анна Каренина".

В отличие от прежней постановки "Анны Карениной", осуществлённой эстонским хореографом Энном Суве через год после московской премьеры, в 1973 году, нынешняя - плод совместных усилий творческой группы из Литвы (хореограф Юриус Сморигинас, художник по костюмам Юозас Статкевичюс, исполнитель партии Вронского Эдвардас Смалакис) и Латвии (сценограф и режиссёр по свету Иварс Новикс), а также балетной труппы и музыкантов (главный дирижёр Юрий Альпертен) театра "Эстония".

Замысел нового балета, по признанию Юриуса Сморигинаса, возник в процессе работы с Кайе Кырб над "Кармен" Бизе-Щедрина. "Думаю, мои желания и стремления Кайе совпали. Как для тенора Отелло нужно петь уже зрелым мастером, так и для балерины танцевать Анну можно, лишь достигнув зрелости, человеческой и профессиональной".

Анна Юриуса Сморигинаса

"Я - как натянутая струна, которая должна лопнуть". Эти слова героини Л. Толстого, на мой взгляд, могли бы стать эпиграфом к постановке Ю. Сморигинаса. Сосредоточив главное внимание на психологии Анны, её сложных душевных порывах, он большую часть места и времени отводит её "внутренним монологам". Как, впрочем, и Щедрин, определивший жанр балета как "лирические сцены" (по аналогии с "Евгением Онегиным" Чайковского) и исключивший линию Лёвина, его философских раздумий, семейную линию Облонских... Будучи одновременно и автором сценария (либретто), Ю. Сморигинас сделал купюры некоторых сцен - сцены дворцового церемониала и награждения Каренина, сон Вронского, Сад Вреде, - спрессовав всё действие в два акта. Таким образом следующие после скачек события движутся с поступательной скоростью, вливаясь в страшный финал, который становится кульминацией трагедии, катарсисом - очень убедительно выстроена эта сцена и хореографом-постановщиком, и режиссёром по свету: силён эффект

сплясавших фар "надвигающегося" паровоза и фигура Станционного мужика, раскачивающего фонарь и довершающего грозное возмездие ("Мне отмщение, и аз воздам").

Для Ю. Сморигинаса главное, по его словам, "тот дискомфорт, разлад с самой собой, который испытывает Анна. Её крах, её трагедия "рождены" ею же самой. Она была слишком эмоциональна, слишком сексуальна - в нашем понимании - и не могла совладать со своим внутренним богатством" (ср. у Л. Толстого: "Как будто избыток чего-то так переполнял её существо, что мимо её воли выражался то в блестящем взгляде, то в улыбке").

Две Анны

Уже при первом появлении на вокзале Анна - Кайе Кырб привлекает к себе внимание - аристократической, утончённой красотой и особой одухотворённостью облика (у Толстого: "... в ней был другой какой-то, высший мир интересней, сложных и поэтических"). Она выглядит пока безмятежной, а в сцене бала даже счастливой, упоённой своим успехом, царственно гордой и прекрасной в своём "золотом" (а

не в чёрном бархатном, как у Толстого) платье, "из которого она выступала". И лишь потом в Бологом, оказавшись во власти переполняющих её чувств, она, всё ещё сопротивляясь, медленно, но верно идёт под топор своей судьбы (в образе Станционного мужика). Этот переход, разные эмоциональные состояния - и в пластике, и в повороте головы, и во взгляде Кайе Кырб. В исполнении Марины Чирковой Анна кажется изначально обречённой, отданной во власть Рока. Она как будто боится самой себя, скрытых в ней сильных страстей, словно не она выбирает Вронского, а сама Судьба толкает его в её объятия - эта обречённость - в её глазах, об этом "говорят" её руки (характерен жест отстранения, которым Анна - Чиркова пытается отгородиться от судьбы своей - "чур, чур, меня").

Образ Анны раскрывается и во "внутренних монологах", и в дуэтах с Вронским, Карениным. Запоминается сцена свидания Анны с Серёжей, её стремительный, летящий "улановский" бег навстречу сыну. И затем дуэт с Карениным - словно в замедленной съёмке. В то же время практически "за

Лишённая любви в замужестве, Анна не в силах бороться с нахлынувшей страстью (Марина Чиркова - Анна, Владимир Архангельский - Вронский)

кадром" остались ссора Анны с Вронским и последнее объяснение. Нелогична резкая смена эмоциональных состояний Вронского - от любящего к вдруг охладевшему, не замечающему Анны в театре.

Вронский, Каренин и судьба Анны

Собственно, Вронский на фоне такой Анны может потеряться, тем более что Р. Шедрин не наделяет его особой музыкальной темой (в отличие от Анны, у которой несколько лейтмотивов, и даже Каренина с его музыкальной характеристикой, порученной контрабасу). Вронский скорее тень, герой, которого ждала Анна, её истосковавшаяся по любви душа. Анна любит фактически не Вронского с его слабостями и увлечениями, а саму Любовь.

Вронского танцуют Эдвардас Смалакис из Литвы (с Кайе Кырб) и Владимир Архангельский (с Мариной Чирковой). Вронский Смалакиса - светский молодой человек, комильфо, с понятиями о чести и достоинстве русского офицера. В дуэтах с Анной видно, насколько это безупречный, элегантный партнёр. Особенно хорош он в сцене скачек, когда Вронский не в силах скрыть свои чувства из-за падения Фру-Фру.

Владимир Архангельский создаёт несколько иной образ: это "офицер-мальчик", с "выражением почитательного восхищения" (так у Толстого), следующий всюду за Анной. В первом действии он

искренне и нежно влюблён. (К сожалению, состояние здоровья помешало В. Архангельскому завершить спектакль.)

Каренин, несмотря на скудность хореографического материала, очень убедителен и по-своему значителен, хотя не так многообразен, как у Л. Толстого. Графически чёткий рисунок его партии, эти жесты собственника, словно захватывающего пространство, походка, с пятки на носок, полная достоинства и собственной значимости, в исполнении Виестурса Янсона очень впечатляют и подтверждают высокий уровень драматического мастерства артиста. В трактовке Андруса Кямбре Каренин более человечный и мягкий, но не столь запоминающийся. Ключевым для понимания замысла постановщика становится в спектакле образ Станционного мужика (Андрус Лаур и Виталий Николаев). Именно он олицетворяет собой Судбу, Рок, Фатум - как у Чайковского, музыку которого постоянно цитирует Шедрин. Очень интересно решены "внутренние монологи" Анны, её сны: движущееся красное пятно прожектора высвечивает фигуру мужика, сопровождая таким образом и движения Анны. Очень экспрессивен дует его с Анной, особенно колоритен в этой роли В. Николаев.

По словам Сморигинаса, его меньше всего волновал конфликт Анны со "светом", тем не менее эта тема нашла своё отражение в спектакле. Петербургское высшее общество предстаёт как обезличен-

Анна - сильная и гордая женщина даже в своём одиночестве (Кайе Кырб - Анна)

ная масса, возникающая вначале в виде теней на заднике сцены. Большую роль постановщик отводит Бетси - как главной пружине страшного маховика под названием "высший свет". Бетси Марины Кеслер - это антипод Анны, средоточие зла и лжи; в её скользких, змеиных движениях, в её деланой улыбке есть что-то дьявольское. Ирина Пяхн в этой же роли более сдержанна, суха, холодна, утончённа.

Однако, на мой взгляд, стилистическим диссонансом "звучит" сцена "В салоне Бетси", словно переносящая нас в эпоху декаданса - изломанная пластика, неуловимость, зыбкость. Напротив, неожиданной находкой стало решение сцены "Италия", в которой как бы два плана: внешний и внутренний. Удачно световое-цветовое решение сцены: бирюзовые, "морские" тона, акварельные краски и столь же "акварельная" пластика счастливой семьи (мать, отец и ребёнок), будто призванный оттенить драму Анны и напомнить о существовании гармоничного мира. Удивительно пластичны обе девочки из хореографического училища (Тезле Уде и Майе Торн) в роли Серёжи.

Безусловно, есть в спектакле более сильные и менее удачные эпизоды, которые создают в целом впечатление интересной, яркой работы. Балет, когда-то рождённый для Майи Плисецкой, теперь, спустя 28 лет, получил но-

вое прочтение, обрета новых исполнителей, столь непохожих на прежних, но всё так же волнующих и вызывающих боль и сострадание.

Тамара Унанова
Фото: Харри Рослу

Кайе Кырб (Анна Каренина):

Мне кажется, я хорошо понимаю, в чём трагедия такой женщины, как Анна... Она была сверхэмоциональной натурой с нестабильной психикой. И эта нестабильность шла от её жизни, монотонной и лишённой любви. У неё годами накапливалось напряжение, и когда она встретила Вронского, душевный клапан открылся, и она устремилась навстречу Любви. Отныне она уже не могла сдерживать своих чувств... Конечно, из-за Серёжи она вернулась из Италии, но её трагедия, жизненный крах обусловлены прежде всего её душевным состоянием, её повышенной эмоциональностью. Это была трепетная женщина, и я очень рада, что мне довелось языком танца создать такой сложный образ и пережить вместе с Анной сильные эмоции...

К сожалению, я не видела "Анну Каренину" Майи Плисецкой, только фрагмент из этого балета. Но если бы даже и видела, думаю, мне бы это не мешало создать свою Анну. Хотя Майя Плисецкая всегда была моим кумиром.